

ЕСТЬ ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Воск. клуб. — 2001. — 23-29 марта. — 7

Вот уже несколько лет журнал «Знамя», первым из советских изданий напечатавший диссидента-изгнанника Георгия Владимова — повесть «Верный Руслан» в 1989-м, обещает его новый роман «Долог путь до Типперэри». Сам писатель, отметивший недавно 70-летие, надеется, что первая часть книги, которую он сейчас заканчивает, в этом году будет опубликована.

— Георгий Николаевич, все чаще и чаще вы покидаете городок Нидерхаузен и поселяетесь в подмосковном Переделкине. Простите за бестактность: вы не считаете свое возвращение в Россию поступком опрометчивым?

— Нет. Еще когда грянул август 1991 года, я понял, что надо возвращаться. И если бы было куда, я бы немедленно вернулся еще тогда.

— «Если бы было куда»?

— Никакого жилья в России у меня не было. Мою прежнюю кооперативную квартиру на Малой Филевской продали какому-то очереднику. В 1990 году, когда Горбачев отменил андроповский указ — тогда, как вы помните, гражданство возвратили сразу 23 соотечественникам, — нас с Львом Копелевым пригласили в советское посольство. Мы приехали в назначенное время, но самого посла не оказалось — уехал на какие-то переговоры, связанные с выводом советских войск из Германии. Нас принял его заместитель, которому я высказал все свои претензии: «Мне некуда возвращаться, у меня нет квартиры». — «Возьмем на заметку, проверим». До сих пор проверяют... И вот год назад председатель международного Литфонда Владимир Огнев предоставил мне эти апартаменты в аренду. Потихонечку — в Германии еще остались книги, вещи, надо уладить какие-то дела — перебираемся с дочерью сюда.

— Разве жить сегодня в России не опасно?

— Опасно, конечно. Но лично я не вступаю в такие корпорации и общества, где возможно преследование. Оно же ведь целенаправленное. Просто так тебя не ухлопают. Криминальные элементы стреляют друг в друга, тех, кто к ним не причастен, не трогают. Разве что в случайной перестрелке на улице. Однажды мы с дочерью попали в такую перестрелку — около районного отделения милиции. Даже не успели испугаться, как все рассеялось.

Я очень не хотел уезжать из России и в 1983 году. Но надо мной висело уголовное дело, статья 170-я — клевета на советский государственный и общественный строй, меня хотели арестовать, судить. Я был свидетелем по делу писателя и борца с советским режимом Леонида Бородин, мы с ним были очень дружны тогда. И следователь Александр Георгиевич Губинский, который вел дело, сказал мне, что скоро на меня выделит отдельное производство и я буду уже не свидетелем, а обвиняемым, а пока у меня есть выбор: либо запад — я могу уехать, либо восток. И, в общем, я готов был пойти на процесс. Я этого не боялся. Мне казалось, что на рыболовном траулере, где я плавал — это была длительная командировка от «Литгазеты» и Союза писателей по трем морям Северной Атлантики, из которой потом вырос роман «Три минуты молчания» (1969), — было страшнее всякой тюрьмы и лагерей. Если бы мне было, скажем, лет 40 и я был бы совершенно физически здоров, то я бы на это пошел. Но мне было уже 52 года, к тому же два инфаркта: один «полноценный», второй врачи успели купировать. Кроме того, нависла угроза над моей женой Натальей Кузнецовой, тоже участницей правозащитного движения, ныне покойной. И Андрей Дмитриевич Сахаров пердал мне свои опасения: «Если не арестуют вас, то могут арестовать вашу жену, и вернут ее только на аэродроме, такие ситуации бывали в их практике, поэтому прошу вас подумать о том, чтобы все-таки уехать».

— Вы уже достаточно заинтериговали читателя объявленной к публикации новой вещью. «Долог путь до Типперэри» — это что?

— Автобиографический роман-трилогия. Первая часть охватывает события с августа 1946-го по август 1991 года. В более или менее приемлемый объем, скажем, в 600 страниц, трудно вложить 45 лет жизни. Поэтому я решил взять как бы три дня, имея в виду день в широком смысле, как неделя или месяц, и внимательнейшим образом их рассмотреть. Вторая часть — это прощание с Россией в 1983 году, с Питером, где до переезда в Москву в январе 1956-го я прожил 10 лет — здесь в 1953 году окончил юридический факультет университета, вскоре начал печататься. Первая литературно-критическая публикация появилась в 1954-м в журнале «Театр», главным редактором которого был Николай Погодин.

— Почему вдруг в «Театре»?

— После окончания университета я остался без распределения: в 1952 году по статье 58-10 — антисоветская агитация и пропаганда — была арестована моя мать. Кроме того, было перепроизводство юристов. Мне надо было искать какую-то другую работу. Стал писать литературно-критические статьи и посылать их в разные журналы, где их либо отвергали, либо вообще оставляли без ответа. И вдруг из «Театра» доброжелательный отклик на мою статью о пьесе Афанасия Салынского «Опасный спутник». Завязались отношения. Потом я получил письмо от самого Погодина — о том, что он очень хотел бы привлечь меня как автора. Та моя первая статья все-таки не пошла, но были напечатаны другие, в частности, о пьесе Алексея Арбузова «Годы странствий». Потом поступили приглашения о сотрудничестве от «Литературки», «Нового мира»...

— Заключительная треть романа — эмиграция?

— Да, об этом. А названием стала очень популярная, еще времен Первой мировой войны, когда англичане были нашими союзниками, солдатская песня. Когда-то мы с моим другом, два 15-летних оболтус-суворовца (это с нами мы ходили в августе 1946 года к Михаилу Зощенко выразить свое сочувствие), выдумали страну, в которой все было не так, как у нас, и написали утопический роман «Типперэри». В общем, сегодня для меня Типперэри — это символ возвращения на Родину, в Отечество.

— Как случилось, что вы, номинированный автор, в итоге изменили своему журналу, опубликовав «Знамя» сначала «Верного Руслана», потом «Генерала...»?

— Как раз из-за своей верности. Я очень верен тому изданию, которое меня приютило, впервые напечатало после изгнания. Произошло это так. Главный редактор «Нового мира» Сергей Павлович Зальгин как «посол перестройки» приехал в Париж. Я слушал его выступление дома по радио. Корреспондентка парижского отделения «Свободы» спрашивает у него: «А если к вам в «Новый мир» пришлют свои произведения, скажем, Солженицын или Владимов?» (Она назвала эти две фамилии.) — «Ну что ж, если это будет что-то новое, то мы с удовольствием рассмотрим, напечатает». И тогда, весной 1988 года, я послал в «Новый мир» «Верного Руслана», поскольку считал эту повесть, опубликованную только в «гамиздате», новой для российского читателя. Никакого ответа. В это же время Владимир Войнович отправил в «Новый мир» повесть «Путь взаимной переливки» и получил грубый ответ: «Такая литература нам не нужна». Ну и тому подобное в том же духе. Я решил, что все разговоры о перестройке в Союзе — слова, слова, слова. Но вдруг в моей эмигрантской Тьмутаракани раздается телефонный звонок — Гри-

«Как-то в Германии на «Свободе» был «круглый стол», в котором участвовали наши писатели-эмигранты, и едва я произнес слова о служении, на меня посыпались всевозможные упреки: «Это рабская психология! Какое служение?! Писатель никому ничего не должен и никому не должен служить!»

горий Бакланов говорит, что любит мою повесть и с удовольствием, если я согласен, напечатает в своем журнале. И он-таки ее пробил — это требовало некоторой смелости и усилий; по моему, тогда идеологией занимался Егор Лигачев. «А что у вас следующее?» — «Вот пишу роман...» — «Так мы можем его объявить?» — «Разумеется». Потом, когда Зальгин снова приехал в Париж, он позвонил мне и попросил отдать «Генерала...» — «Но я уже обещал его другому изданию». — «Да у нас тираж три миллиона 700 тысяч, а у них только один миллион!» — «Ничего вам сказать не могу, я верен тем, кому обещал». Такую же верность и расположение я сохраняю газете «Московские новости», которая в начале того же 1989 года первой напечатала мое интервью.

К слову, не нынешний «Новый мир», а «Знамя» есть для меня продолжение «Нового мира» Александра Твардовского. На самом деле во главе перестройки стояло именно оно. Что тем более удивительно, поскольку при Кожевникове это был задубельный орган печати, такой реакционный, где вообще могли просто предать человека. И таков был посыл, заданный Баклановым, что и поныне «Знамя» остается в числе первых российских толстых журналов. Знамя, если сказать каламбуром, перешло к нему.

— Герою автобиографического рассказа «Не обращайтесь внимания, маэстро», который вы написали в 1982-м, за год до эмиграции, принадлежит такие слова: «...думаю, что книги немножко по-другому читаются, если знаешь, что их автор живет не на Азорских островах». И вы такого же мнения?

— По крайней мере, тогда я так думал. Но оказалось, что ошибался. Наш читатель воспринял тот поток литературы, который обрушился на него в горбачевскую оттепель, — и те книги, что были написаны здесь, скажем, Платонова или Пастернака, и те, что писались за границей, с одинаковым сочувствием и интересом. Другое дело, что писатель должен жить в своей стране, болеть ее болезнями, чтобы лучше понимать, чем люди живы, как им помочь, что можно для этого сделать. В общем, жить жизнью своих героев. С самого начал изгнания я не сводил взгляда с России.

— В книге «Процесс исключения» Лидия Чуковская достаточно подробно излагает историю вашего выхода из Союза писателей. Что именно подтолкнуло вас к этому шагу, став последней «каплей»?

— Повод был такой. Союз писателей сначала скрыл от меня приглашение норвежского издательства на

книжную ярмарку, а когда приглашение было прислано вторично уже ко мне домой, просто не отвечал на мои просьбы оформить выездные документы. И тогда, перед открытием ярмарки, я отправил в Правление Союза писателей свой членский билет № 1471 с письмом. Смешно, но после моего добровольного выхода из Союза писателей они меня еще и формально исключили.

Как и следовало ожидать, через три месяца явился милиционер с вопросом, на какие деньги я живу. «Вы же меня 20 лет знаете. До сих пор об этом не спрашивали. Почему сейчас заинтересовались?» — «Сигналы поступают». В общем, начались мелочные преследования. Но путь назад, конечно, был закрыт, мне оставалось печататься только на Западе и не держать свои рукописи дома, за исключением последних пяти страниц, которые после изгнания я мог бы восстановить. Первый обыск состоялся 5 февраля 1982 года.

— В вашей судьбе немало довольно неожиданных поворотов. Какой из них самый значительный?

— Пожалуй, поездка в 1960 году от «Нового мира» на Курскую магнитную аномалию. Очерк о молодых специалистах не задался: я не очень понял свою задачу, что, собственно говоря, должен написать. К тому же

эти молодые специалисты вовсе не так скучали по Москве, как мне казалось. Они строили свою жизнь на новом месте и вполне были ею довольны. Но надо же оправдать командировку! Я написал повесть «Большая руда». И вдруг она встретила одобрение, в том числе Твардовского, и в 1961 году была напечатана в «Новом мире». Как говорят классики, однажды проснулся знаменитым. По крайней мере, о повести очень много писали — более 120 статей и рецензий.

— Вы по-прежнему убеждены в том, что «литература есть одна из форм служения обществу», а писатель обязан за все свои слова, за все, им написанное, отвечать?

— Да, я по-прежнему так считаю. Хотя это вызывает страшное возражение, раздражение и негодование коллег. Помню, как-то в Германии на «Свободе» был «круглый стол», в котором участвовали наши писатели-эмигранты, и едва я произнес слова о служении, на меня посыпались всевозможные упреки: «Это рабская психология! Какое служение?! Писатель никому ничего не должен и никому не должен служить!» Потом появилась концепция, согласно которой вся литература протеста — это тот же самый соцреализм, только с обратным знаком, и что в сущности антикоммунизм так же противен, как и сам коммунизм. В ответ можно задать только такой вопрос: «Почему же все-таки одним достаются лавры, ордена и награды, а другим — прутья, решетки и голодная жизнь?» Слишком дорого обходится этот «обратный знак».

— Перед кем писатель должен отвечать?

— Прежде всего перед самим собой. То есть самому надо быть убежденным в том, что все это нужно. Кто-то хорошо сказал, что хотел бы написать такую книгу, которую сам бы захотел прочитать. Я часто вспоминаю эту фразу, когда пишу. А слушают или не слушают тебя — задумываться не стоит. Надо писать и говорить то, что хочешь. Потому что какая-то группа читателей, как всегда, существует. И ей это нужно. Вообще, нужно писать для одной тысячи человек. Этого достаточно. Если я знаю, что у меня есть твердая тысяча читателей, это стоит того, чтобы садиться за стол и писать.

— После многолетней работы над романом «Генерал и его армия» остались ли для вас белые пятна в истории Отечественной войны?

— Думаю, их еще очень много. Знаю только то, что такие книги, как, например, у Виктора Суворова, с которым я резко расхожусь во взглядах, появляются там, где, как говорил товарищ Сталин, существует какая-то недосказанность, какая-то недоговоренность или какие-то скрытые вещи.

В юности я написал — надо было зарабатывать деньги — две книги за генералов. Тогда «Воениздат» объявил серию «Военные мемуары». Каждому генералу, некоторым полковникам и, естественно, маршалам дали возможность высказаться. В общем, это был хитрый ход, чтобы все эти разговоры военачальников канонизировать, ввести в какие-то цензурные рамки. Одно дело генерал у себя на кухне бурчит, что все не так было. Другое — когда ему дают микрофон, перо — правда, с пером генералы не в ладах, — пожалуйста, говорите. И они говорят именно то, что от них хочет услышать советская пропаганда.

Мне удалось разговорить моего генерала. Он многое рассказал о войне — гораздо больше и интереснее, чем получилось в книге. Так вот, этот генерал сказал мне: «Вся история Великой Отечественной войны есть история преступлений. Когда-нибудь это вскроется, только никому это не будет интересно, и нас с вами на свете не будет». Но вот я, слава Богу, жив, а какие-то вещи все-таки вскрываются.